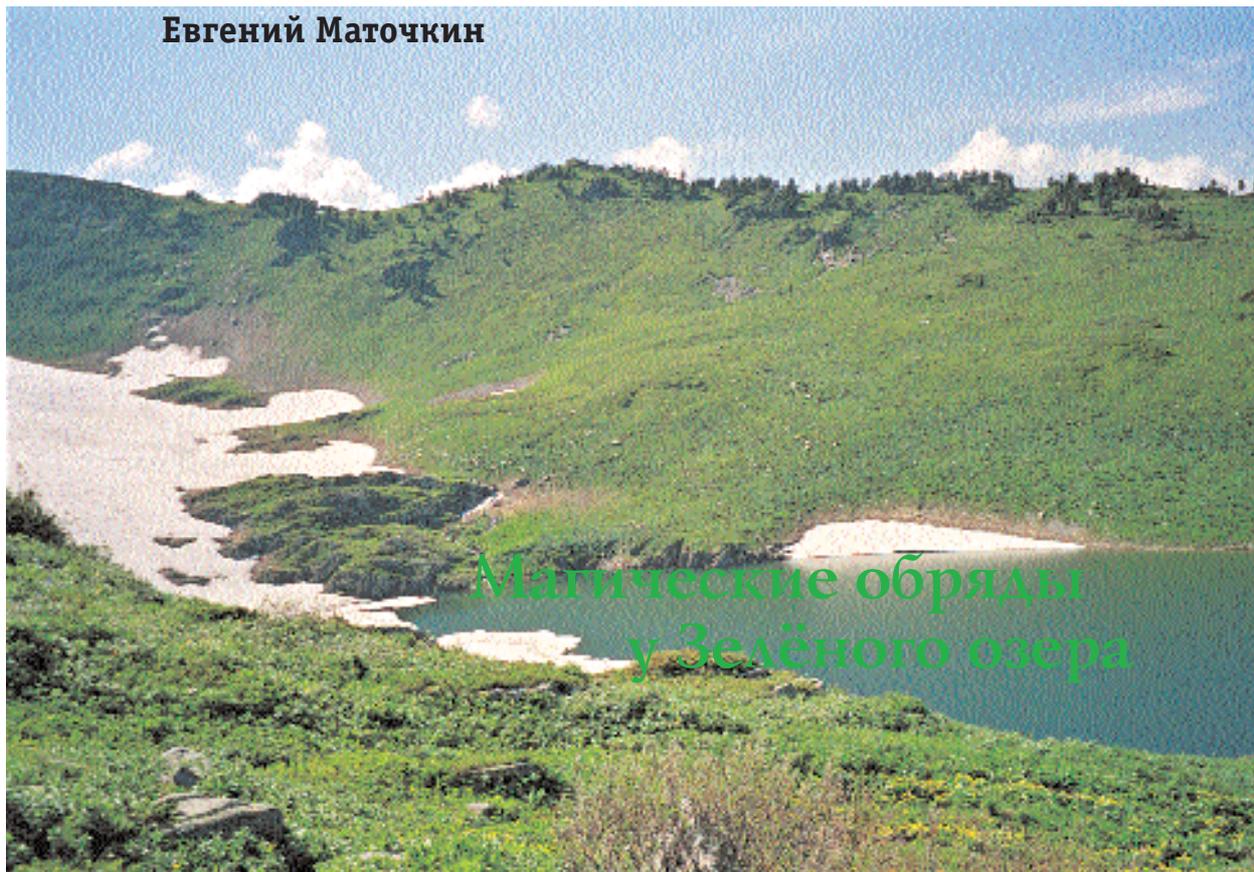

Евгений Маточкин

Магические обряды у Зелёного озера

Тернии достаются каждому свои. Я был уверен, что в этом путешествии меня ждёт что-то необыкновенное, ради которого предстоит преодолеть все ниспосланные препятствия. Мою уверенность подтверждала плита, увиденная мной на полу станции юных туристов в районном центре Усть-Кокса Республики Алтай.

Одного взгляда на выбитые на ней рисунки было достаточно, чтобы понять, что передо мной произведение искусства далёкой древности. Сюжет просматривался довольно отчётливо: по полю бежали два марала, а поверх них была изображена богатырская фигура в высоком головном уборе. Рисунки совсем не отличались по цвету от загара камня, а лунки от ударов уже слегка сгладились. Очевидно, неизвестный мастер трудился над своим произведением около четырёх тысяч лет назад, в эпоху бронзы. Что и говорить, для исследователя петроглифов это настоящий подарок!

Конечно, я стал выяснять, когда и при каких обстоятельствах появилась в небольшом туристическом музее эта плита. Оказалось, что её привезла откуда-то издалека Светлана Гулько – человек, влюблённый в историю своего края. К счастью, мне удалось найти её новый адрес, хотя к тому времени она уехала из Усть-Коксы. Как ждал я от неё письма, чтобы узнать хоть какие-то подробности! Наконец ответ пришёл: плиту Светлана Гулько привезла с какого-то озера, что километрах в ста от районного центра. Подобных плит там немало. Озеро же мёртвое, рыбы в нём нет, потому-то его называют то Мёртвым, то Зелёным из-за цвета воды; устоявшегося названия оно не имеет. Я тотчас же ответил ей и попросил, чтобы она показала экспедиции Национального музея Республики Алтай озеро и плиты с рисунками.

Евгений Палладиевич Маточкин – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай.

Лета дождался с большим нетерпением и всё время «шаманил», чтобы сложились все другие обстоятельства, прежде всего финансовые. К счастью, ко мне присоединилась группа из Санкт-Петербургского Музея-института семьи Рёрихов, которая взяла на себя финансовое бремя.

И вот в назначенный день июля все мы встретились у Светланы Гулько в деревне Терехта.

Первое испытание наслала на нас природа. Уймонскую долину и те горы, куда нам предстояло подняться, закрыли хмурые тучи, непрерывно лил сильный дождь. День за днём мы проводили в доме, скрашивая ожидание запашистым чаем, настоенном на алтайских травах, и здешним мёдом, удостоенным первого места на Всероссийском конкурсе в Москве. И когда выглянуло солнце и установилось ведро, мы с трудом стряхнули с себя оцепенение медовых чар. Не дожидаясь, пока дорога хотя бы мало-мальски просохнет, сели в машину и отправились берегом Катуня в горы. Скоро, набрав высоту, мы оказались в зоне альпийских лугов. Люди Русской равнины не смогут даже представить всё великолепие цветущего алтайского высокогорья. Пиршество для глаз просто поразительное! Алые венчики диких пионов, синие стрелы дельфиниумов, пылающие головки жарков рядом с лазурью водосборов, малиновые шишки маральего корня в соседстве с жёлто-белой или почти чёрной черемницей – вся эта природная гамма красок достойно прославляет небесного Творца.

После крутого подъёма машина остановилась под вершиной Красной горы возле Форельного озера. «Наше озеро дальше», –скомандовала Светлана. Нашли два небольших водоёма, но ни у одного из них рисунков не оказалось. Тут нам попались рыбаки, которые сказали, что до нашего Зелёного озера ещё километров сорок, однако теперь, после проливных дождей туда не проехать. Тут и Светлана поняла, что за давностью лет позабыла дорогу. Пришлось возвращаться назад.

Впереди было ещё полтора летних месяца. Мне не хотелось сдаваться, и я выстраивал планы, но из моей затеи так ничего и не получилось. Оставалось надеяться на лучшие времена.

Неудача не остудила мой пыл. Следующим летом я вновь оказался в Усть-Коксе. Прошлогодний водитель оказался в отъезде, но его отец согласился свозить меня к Зелёному озеру на тракторе. Возможно, это лучший вариант, подумалось мне, ведь дорога туда очень плохая.

Наутро я отправился в деревню Берёзовка к Анатолию – моему водителю. Он уже слегка выпил, меня дожидаячись.

«В ковше поедешь?» – спросил Анатолий. – «А разве в кабине мы не поместимся? Нет, трактор самодельный. Вот тебе ковш. Я переставил его назад. Ну что, едем?» – Мне осталось мотнуть головой в знак согласия.

Анатолий закинул в ковш какую-то овчину, прихватил в кабину полуторалитровую бутылку медовухи, мотор взревел, и мы тронулись в путь.

На каждой кочке наш трактор сильно подсакивал, ковш постепенно опускался, и мне казалось, что я вскоре выпаду. Однако Анатолий, видимо, догадывался об этом и периодически приподнимал его. Меня мотало из стороны в сторону, ударяло то в спину, то в локти, то в колени.

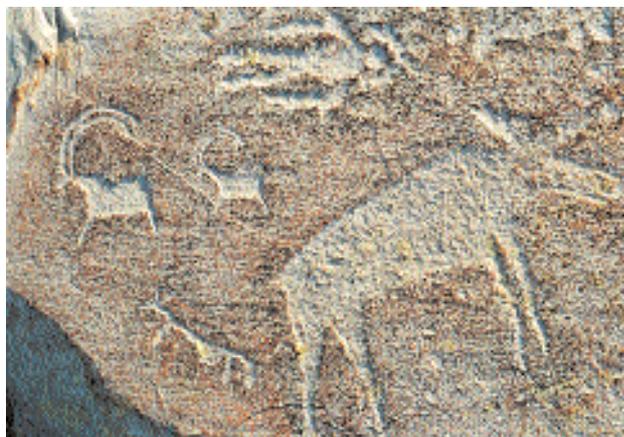

«Ну ладно, ведь рано или поздно дорога кончится, – подбадривал я себя. – Раз уж ниспосланы такие испытания, значит, рисунки будут совершенно замечательные».

Так мы и ехали весь тот день. Мысль о том, что меня ждёт блестящее открытие, грела и придавала силы.

Трактор забирался выше и выше. Появились снежники. И вдруг у самого перевала, на верхней границе леса, трактор остановился. Наступила оглушительная тишина. «Приехали», – радостно объявил Анатолий, уже отдавший должное медовому напитку, имеющему свойство ударять в ноги, но голову оставлять относительно светлой.

Я вылез из ковша, ступил, слегка шатаясь, на землю и огляделся по сторонам. «Где же тут рисунки?» – вырвалось у меня. – «Не знаю», – невозмутимо молвил Анатолий. – «А озеро где?» – «Озёр здесь два – справа и слева».

// осень 2006 //

Ну что же, я побежал налево. Действительно, в полукилометре от дороги показалось небольшое горное озеро. Я обошёл его дикие берега, но никаких признаков рисунков не обнаружил.

Вернулся к трактору и поторопился к другому водоёму. Вода в нём оказалась зелёной-зелёной. Значит, петроглифы должны быть именно здесь.

Тщательно всматривался в каждую каменную плоскость, которая могла бы привлечь внимание художника. Однако и здесь ровным счётом ничего не было. Неужели опять ошибка?..

Между тем сумерки ступались. «Господи, помоги! Господи, покажи!», – молил я. До трактора оставалось всего ничего. А что это за плиты виднеются справа? Может быть?.. Плиты лежали, одна за другой, вверх по склону и почти на всех были выбиты рисунки. Я намеренно не стал ничего рассматривать, чтобы попридержать свой восторг и оставить это удовольствие на завтра.

Уже почти в темноте я возвратился к Анатолию и, сияя от радости, произнёс: «Нашёл. Нашёл». Он посмотрел на меня мутноватым взором. Опорожнённая бутылка валялась поблизости.

После ужина мы расставили палатку и тут же свалились. Засыпая, я предвкушал продолжение счастья...

На следующий день я работал с утра до позднего вечера без перерыва, ловя минуты солнечного освещения и опасаясь прихода частых гостей высокогорья – дождей.

Поначалу выяснил границы расположения плит. Площадь эта оказалась сравнительно небольшой – примерно 25 метров вдоль ручья и 7 поперёк. Какого-то порядка в их расположении я не обнаружил, тем более что со временем плиты немного сдвинулись. Так, одна из них наползла на другую, а ещё одна почти полностью погрузилась во влажную илистую почву, так что от неё виднеется лишь торец с фрагментом выбивки. Образная же взаимосвязь между отдельными изображениями выявилась позднее.

Всего я насчитал около полутора десятков плит с рисунками. Все они сложены из осадочной породы – мелкозернистого карбонатистого песчаника и имеют довольно ровную поверхность светло-серого цвета. Обычные размеры плит – в пределах одного метра в длину, полуметра или меньше в ширину и десяти-двадцати сантиметров в толщину.

Отсутствие каких-либо аналогий рисунков с известными образцами искусства скифо-сибирского звериного стиля, а также с гравировками древнетюркского времени говорило в пользу существования здесь очага искусства более раннего времени. Скорее всего, рисунки были созданы в эпоху бронзы, то есть во II тысячелетии до н.э. Между тем выбивка выглядела столь отчётливо, что не хотелось верить в её глубокую древность. Исполнение петроглифов не оставляло сомнений в том, что передо мной выдающиеся произведения древнего искусства. Ничего подобного мне ещё не приходилось видеть. В Саяно-Алтайском регионе немало замечательных наскальных рисунков, но эти, несомненно, достойны места в ряду первоклассных памятников. Природный языческий храм

У людей, видевших лишь чёрно-белые прорисовки петроглифов в публикациях археологов, может сложиться мнение, что наскальные рисунки мало интересны, не впе-

чатляют как произведения искусства. Да, магию рисунков можно ощутить только рядом с подлинниками. К тому же, петроглифы – не станковые произведения; они создавались в природном окружении и рассчитаны на восприятие именно в данной пространственной среде, нередко в определённом временном интервале, связанном с положением светил. Удар по камню, подобно застывшему мазку на полотне, доносит до нас взволнован-

ность художника, а гармония образов говорит о вдохновении, водившем рукой мастера.

Петроглифы – неотъемлемая черта ландшафта Центральной Азии. Вы можете встретить их в самых неожиданных местах. На Алтае наскальных рисунков так много, что творчество человека, можно сказать, одухотворило громады гор. Подчас кажется, что находишься в гигантской картинной галерее, крыша которой – небосвод, экспозиционная площадь – вся земля, а рама – травинки и лишайники на камнях, подчёркивающие создание древнего человека не хуже, чем золотой багет с вычурной лепниной.

На некоторых необычных по форме скалах, стоящих в стратегически важных местах, можно встретить более тысячи рисунков. Хронологический диапазон их нередко простирается с конца эпохи камня до наших дней. Да и сегодня на Алтае рядом с пе-

троглифами многовековой давности появляются новые изображения. Этот продолжающийся в течение тысячелетий историко-художественный процесс не может не поражать воображение исследователя. В таких случаях я сознаю, что нахожусь в священном, почитаемом месте, своего рода природном языческом храме.

Так и здесь, возле Зелёного озера, надо полагать, существовало святилище, где наносились изображения и проводились ритуалы, где происходило общение наших предков с верхним миром. Лучшее место для этой цели трудно было найти. Здесь соприкасаются все стихии: небо, вода, земля. Здесь замечательные ровные белые плиты, очень подходящие для нанесения сокровенных изображений. Здесь есть удобные ритуальные площадки возле вертикальных глыб. А раскинувшаяся огромная панорама алтайских хребтов и вершин, голубеющих под солнцем в чистейшем горном воздухе, просто потрясает своим божественным величием и красотой.

Стоя в церкви перед иконостасом XV века, мы с благоговением внимаем высокому совершенству христианского искусства. Так и здесь, в природном языческом храме во много раз более почтенного возраста, попадаешь под обаяние творческого гения древних и также пытаешься постичь духов-

ный смысл открывшихся перед тобой загадочных изображений. Конечно, в них мало привычного, они говорят на своём условном изобразительном языке, но эта тайна необыкновенно прекрасна и увлекательна.

Таинство и магия петроглифов всегда рождает во мне внутренний трепет. Жившие здесь племена ушли в небытие, но остались их загадочные образы, остались полные неисслеваемой силы духовные наслоения, хранящие память о былом. Истые моления многих поколений пронизали каменную твердь, и теперь мнится, будто тончайшие вибрации исходят от каждого сокровенного изображения. Призывы людей к верховным духам обратить созданный ими образ в реальность не пропали бесследно. Накал их мыслей и чувств не исчез, он пронизывает ауру здешних мест, воспринимается каким-то шестым чувством и не может не волновать. Испытав однажды столь глубокое переживание, не можешь отказаться от стремления вновь соприкоснуться с чем-то подобным.

Утром я начал рассматривать рисунки на плитах. На самой нижней была выбита целая композиция. Главным её персонажем было изображённое в шаге и наклонном положении странное хвостатое антропоморфное существо, помахивающее руками с пышными кистями. Его окружало шесть животных, выполненных в одинаковой иконографической манере. Тонкие длинные ноги, узкие шеи, живой рисунок головы и туловища – всё это наполнено необычайной красотой. Животные словно сыплотся с неба (с истоков ручья) и, разворачиваясь, бегут туда, куда указывают им руки с кистями.

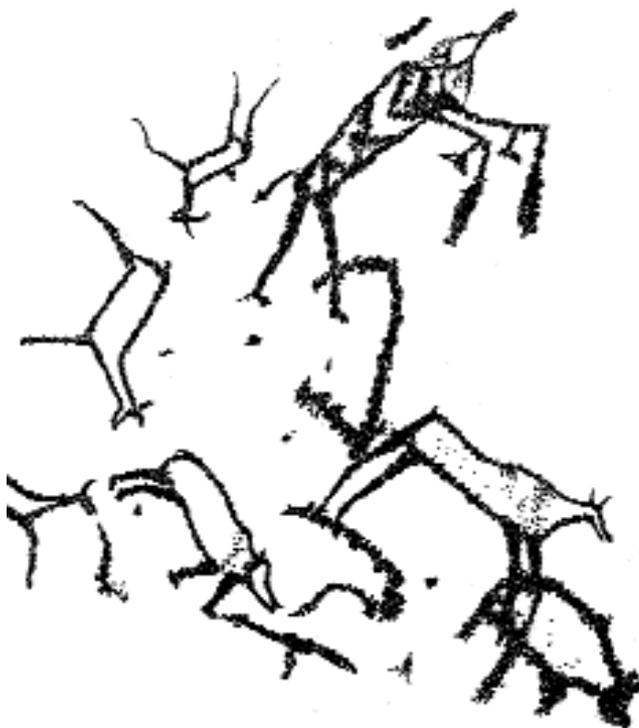
Бросается в глаза геометризация антропоморфной фигуры: трапециевидная форма туловища, остроугольные линии костюма и высокой шапки, уподобление головы ромбу. Но самое интересное, пожалуй, было

в том, что на локтях существа виднелись подвески серповидной формы. Подобные загадочные предметы, так называемые лунницы, встречались археологам в других местах Сибири. Исследователи высказывали предположение, что лунницы являются культовым предметом, играющим важную роль в ритуальной практике. И вот впервые на рисунках эпохи бронзы я вижу лунницы вместе с антропоморфными персонажами, изображёнными в каком-то ритуале. Вероятно, луновидные подвески связывают этот ритуал с широко распространённым в Евразии культом луны-оплодотворительницы и идущими из палеолита представлениями о месяце как о воплощении мужского начала. Древним зооморфным символом бога луны был бык, поэтому, возможно, антропоморфные персонажи Зелёного озера держат в руках бычьи хвосты – именно так интерпретировал мой друг, новосибирский археолог В.Д. Кубарев пышные кисти каракольских росписей¹.

Чем больше я всматривался в рисунки на плитах у Зелёного озера, тем больше склонялся к мнению, что передо мной находится ещё один значительный очаг каракольской культуры. Особенно близкое сопоставление в этом плане можно провести между персонажем с раскинутыми руками на плите 10 и подобным ему изображением на каменной плите-саркофаге каракольской гробницы.

Впоследствии я просмотрел множество книг с петроглифами в поисках аналога рисунков на плите 1. Ближайшим из аналогов оказалась композиция из Цагаан-Салаа IV в Монгольском Алтае, обнаруженная совместной Монголо-рос-

Композиция с антропоморфной фигурой и прорисовка тушью.

сийско-американской экспедицией и опубликованная в 2001 г. Там изображена женская фигура в высоком головном уборе, размахивающая руками и с подвесками на локтях. Вокруг неё кольцом изображены животные. Неподалёку выбит лучник с гипертрофированным фаллосом. Эти образы, соответствующие традиционным представлениям об удачной охоте, наводят на мысль, что в женской фигуре надо видеть мифологическую хозяйку зверей. Не исключено, что и зелёноозёрская композиция посвящена этому же сюжету, а эта странная синкретичная фигура есть одно из ранних изображений женщины-шаманки или владычицы зверей.

Необычно выглядели птицелюди на трёх плитах 3,6,8. Выбитые по контуру довольно крупные фигуры с длинными и тонкими ногами, прямоугольным туловищем и раскинуты-

¹ Каракольская гробница с её удивительными полихромными рисунками, открытая Владимиром Дмитриевичем Кубаревым на Алтае около 20 лет назад, вошла в число важнейших памятников Центральной Азии и послужила основанием для введения в археологии Каракольской культуры. (Примеч. авт.).

Изображение птичелюда. Вверху – микалентный эстампж.

ми руками с длинными кистями. Они напоминали журавлей во время брачного танца.

Вообще персонажи в ритуальной позе с раскинутыми и согнутыми в локтях руками, с подвесками встречаются, помимо Алтая, не только в окуневских памятниках, но и среди петроглифов Прибайкалья, а также в керамике самусьской культуры. У многих из них также имеются привески к локтям с символами светил.

Я обратил внимание на то, что хвосты в руках птичелюдей не опущены, как у персонажей каракольской гробницы, а приподняты в наклонном положении, как при взмахе или вращении. Второе более вероятно, если учесть, что у птичелюдей показаны развороты ног. Например, плиту 6 с двумя персонажами можно интерпретировать как

отображение поз одного существа, запечатлённого в процессе хождения по кругу против движения солнца. В таком контексте все три плиты можно воспринять как стоп-кадры некоего действия. Нижняя плита 3 представляет исходное состояние персонажа, взмахнувшего «крыльями» и начавшего движение направо, т.е. в данном случае вверх по ручью. Следующая плита 6 демонстрирует процесс его вращения в двух крайних позициях, когда стопы развёрнуты в противоположных направлениях. Признавая плиту 8 за окончание ритуального танца, необходимо отметить, что в правой руке персонажа «крыло» поднято вверх, а в левой опущено вниз, и из него что-то высыпается. Это «что-то» выбито редкими точками и показано падающим не вертикально вниз, что было бы при статичном положении фигуры, а в виде растянутого облачка, что возможно опять-таки при её вращении.

Впоследствии Владимир Кубарев подсказал мне аналог зелёноозёрским персонажам с «крыльями» – композицию из Цааган-Салаа II. На ней изображён антропоморф с круглой головой и круглым тельцем, но с такими же, даже с ещё более

длинными крыльями-кистями. Интересно, что вся фигура там окружена роем мелких точек и сопровождается рисунками животных, силуэты которых окружены такими же точками. Не являются ли эти точки зародышами зверей, которые доставлены культовым лицом? В таком случае всю сцену из монгольского Алтая можно было бы воспринять как появление животных в результате некой шаманской мистерии.

Подобную же трактовку, как мне представляется, допускают и зелёноозёрские плиты с антропо-орнитоморфными персонажами; в качестве приплода, наверное, следует видеть зверей, изображённых на окружающих плитах. Возможно, эти птичелюды есть духи-помощники владычицы зверей, и смысл их ритуального танца

Комплекс рисунков с антропоморфной фигурой. Усть-Кокса.

в основе своей отражает тот же культ плодородия-плодовитости зверей.

На нескольких плитах оказались только фигуры животных. Нередко акцентируется их парность, когда самка и самец шествуют один за другим или находятся один под другим. Эти разнополюсные изображения указывают на их кульгово-генеалогический характер, на извечную мечту о плодородии и возрождении животного мира. Хоровод странных фигур

Подымаясь вверх по ручью, я уже не предполагал, что обнаружу ещё что-нибудь интересное: и так уже было столько всего замечательного! Но тут, в самом конце я увидел такое, от чего буквально остолбенел. Передо мной лежала небольшая плита с хороводом четырёх на редкость странных фигур. Они были одеты в костюмы, к полам которых подвешены лунницы. Лунницы висели и на их раскинутых в стороны руках с длинными кистями. Если два крайних персонажа напоминали птицелюдей с прежних плит, то два центральных были просто удивительные. Один был мужского облика в маске с огромными ушами, другой – с маленькой круглой головой и в широком, почти квадратном костюме с разводами.

Такая композиция никогда ранее не встречалась в наскальном искусстве. Что она означает? Ради чего «колдовали» эти такие странные на вид существа? Кем они были? Кого персонажи обличили своим необычным облачением – всемогущих божеств, великих духов, шаманов? Вопросов возникло множество.

Из мировой мифологии известно, что сотворение Вселенной многие древние народы связывают с участием четвёрки богов. Помня об этом, я вглядывался в каждую деталь, чтобы найти хоть

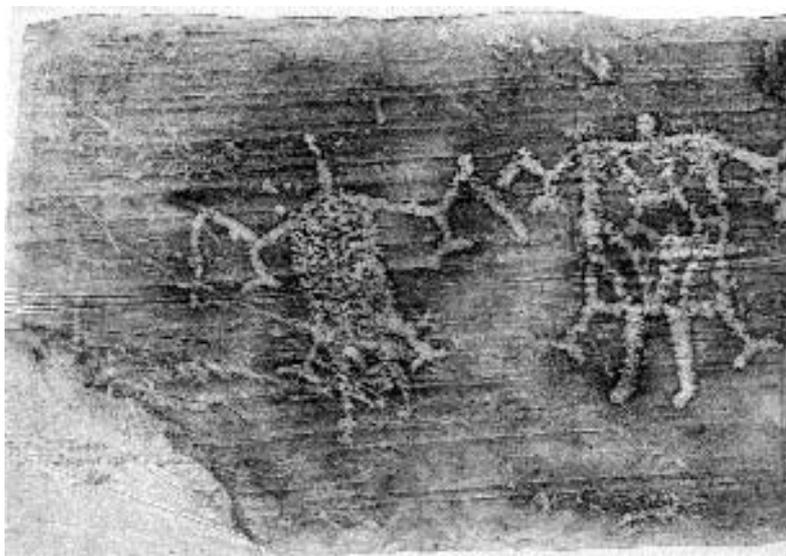
какую-нибудь зацепочку для дальнейшей разгадки. И тут обратил внимание на то, что плита в правой части оказалась сколотой, но на сколе всё же виднелись фрагментарные изображения марала и, как выяснилось при тщательном осмотре, роженицы с разведёнными ногами. Надо полагать, что четвёрка божеств должна была обеспечивать удачные роды.

Этому же посвящена и композиция с маралом и рожаящей женщиной на лежащей на некотором удалении плите 12. Собственно, оба эти персонажа связаны одной идеей, восходящей к палеолитическому мифу о копытном животном и роженице.

На этой плите, вероятно, представлен итог того самого ритуала, над которым колдовала четвёрка божественных персонажей: роженица разрешилась от бремени и принесла на свет свой плод. А символика этого плода могла быть самой разнообразной – вплоть до рождения мира.

Надо полагать, ритуальные рисунки создавались у Зелёного озера ещё и в расчёте на сакральную мощь стихий. Плиты с петроглифами лежат здесь возле ручья, берущего начало из снежника. Это обстоятельство

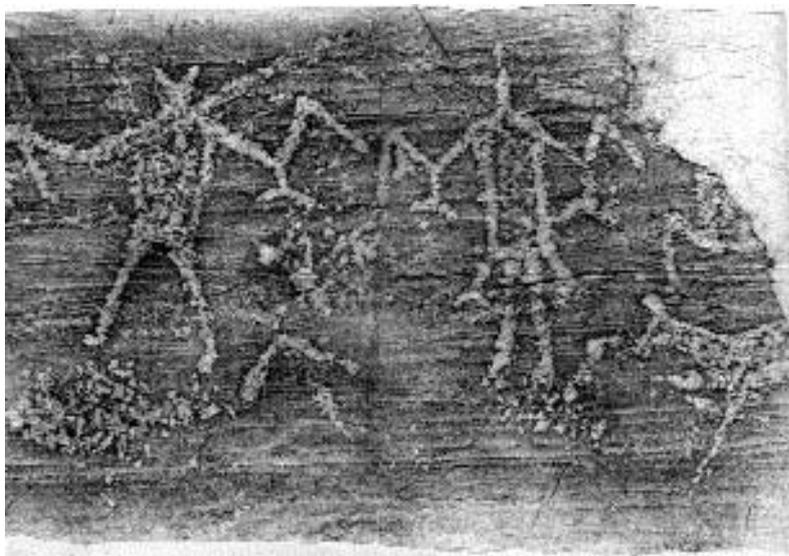
Плита с хороводом четырёх странных фигур.

Композиция с маралом и рожаящей женщиной.

имело немаловажное значение для древнего человека. Вода воспринималась им как агент и принцип всеобщего зачатия и порождения, что нашло отражение во многих мирах. Где, как не здесь, под куполом синего неба, у плит, омываемых водой, должен состояться брачный союз Неба с Землёй и Водой? Небо здесь мужское начало, а Земля и Вода выступают как аналог материнского лона и чрева.

// осень 2006 //

Память о ритуале у Зелёного озера вполне могла дожить до наших дней. Из этнографических источников известно, что в фольклорной традиции алтайцев существует вселенский центр – обиталище светлых божеств. Оно находится на вершине горы рядом с озером Сут-коль. Ритуальные тексты называют это место владением великой богини-матери Умай, а само озеро – молочным. Молоко выступает здесь носителем качественных характеристик верхнего мира. Оно – воплощение белизны, символизирующей истинность, великолепие, сакральную чистоту. Белый цвет имеют и плиты, на которых были выбиты рисунки. Наверное, всё это вместе и определило в кульговой атрибутике саяно-алтайских тюрков семантику белого цвета, восходящую к изобра-

жениям у Зелёного озера женского божества и великих духов.

Брачный союз Неба с Землёй, надо полагать, олицетворяют на плите 18 два центральных персонажа с крепко сцепленными руками. Правый имеет мужской облик, а левый – женский.

Немаловажным представляется то, что маралуха выбита рядом с женщиной; она здесь зооморфный маркёр начала цикла беременности женщины. В дни осеннего равноденствия, когда природа взрастила свои дары и приготовилась к умиранию, зарождается новая жизнь. Именно в эту пору на Алтае начинается интенсивный гон маралов и оплодотворение самок.

Роды женщины, отсчитанные от зачатия около 21 сентября, приходятся на время, близкое к летнему солнцестоянию, когда альпийские луга освобождаются от снега и быстро покрываются буйной зеленью и цветами, славящими великое светило. Древний человек, конечно, не мог не

заметить совпадения двух значимых астрономических событий – осеннего равноденствия и летнего солнцестояния – с циклом беременности. Само обновление природы воспринималось ими как периодическое рождение мира, происходящее, по их представлениям, благодаря союзу Матери-Земли с небесным зоантропоморфным божеством. Люди совершали магические обряды у Зелёного озера, чтобы воздать должное небесным светилам и всемогущим прародителям.

С помощью микалентной бумаги я снял эстампажи с рисунков и сфотографировал их. На следующее утро мне хотелось сделать ещё несколько копий, но мелкий дождик не позволил работать с рисунками. Только я отошёл от них, капель прекратилась. Однако ни времени, ни денег на продолжение «контракта» с Анатолием у меня не было. Мы возвращались по сухой погоде, успешно ускользая от преследовавших туч.

О своём открытии я доложил осенью на Анохинских чтениях. Находками заинтересовался Бийский краеведческий музей. С надеждой на будущую совместную поездку жить стало гораздо легче.

И вот, спустя ровно год я снова оказался у заветных рисунков. Однако путь к ним и на этот раз оказался совсем непростым.

Мы выехали на хорошо оборудованной экспедиционной машине с двумя ведущими осями и надеялись добраться на ней до Зелёного озера. Ведь ездят же туда местные жители за черникой! Правда, эти поездки совершаются раз в год в августе по сухой погоде. Тогда же, в начале июля прошли обильные

дожди, и мы даже и не подозревали, что нам придётся испытать. Проехав более половины пути по относительно хорошей дороге, экспедиция вступила в район влажного высокогорья. При всём мастерстве нашего водителя мы всё же капитально засели в одной глубокой яме. С трудом выбравшись из неё, вскоре застряли в следующей. Разведка показала, что дальше сплошное болото. «Едем назад!» – скомандовал директор.

Я был в отчаянии. Проехать тысячу километров и повернуть назад! С этим я никак не мог смириться и уже готов был продолжать путь пешком. Однако тут мне пришла в голову счастливая мысль, что последние 30 кило-

Сначала мы ехали по дороге, потом для сокращения пути свернули по еле заметной тропочке на перевал. Преодолев его, попали в зону альпийских лугов. Растения были столь высоки и мощны, что порой скрывали всадника.

Через пару небольших бродов мы взяли круто вверх и оказались возле знакомого снежника. Казалось бы, можно было становиться лагерем, но проводники почему-то сочли нужным спуститься вниз к озеру (впоследствии мы по достоинству оценили эту их мудрость).

Было уже 17 часов, когда после перекуса мы подошли к петроглифам. Весна нынче запоздала, и верхняя часть камней ещё не освободилась от зимних надувов. Искать же в глубоком снегу плиту с четвёркой маскированных персонажей, скопировать которую так мечтал Бийский музей, было просто бесполезно. Однако у нас появилась другая возможность.

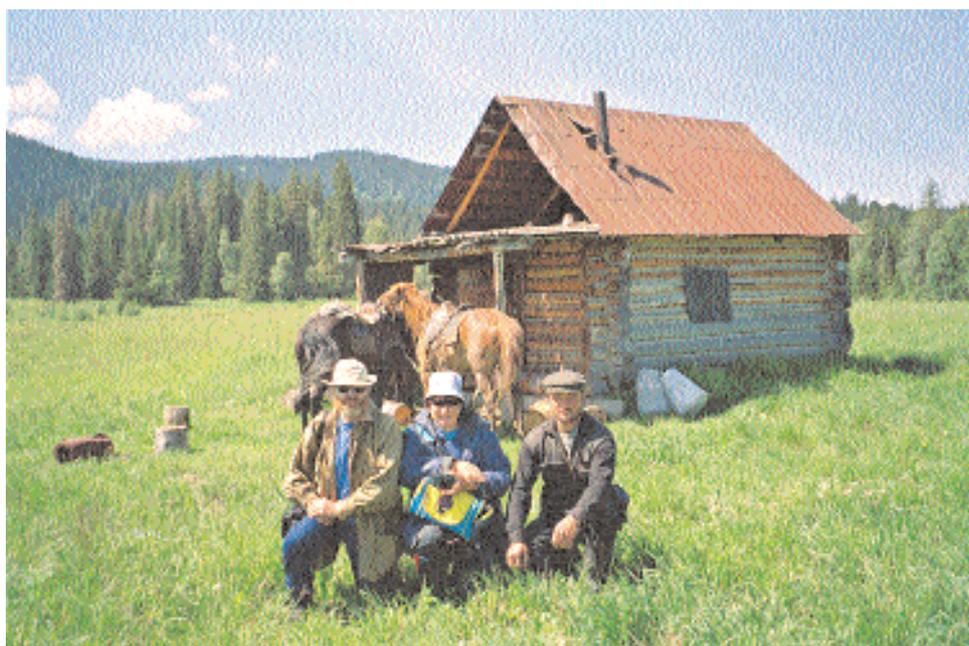
«Мужики! – обратился я к не знавшим куда себя девать проводникам, – найдёте новый рисунок – получите на бутылку». Мой призыв возымел действие. Проводники принялись осматривать окрестные плиты. И вот метрах в пятидесяти от ручья они наткнулись на неизвестную композицию. Да ещё какую! На покрытой зелёным лишайником поверхности камня были выбиты: шагающий лось, два бегущих козла, лиса, несколько схематичных животных и великолепная антропоморфная фигура с короной, отчего мы тотчас же окрестили её «шаманом».

Эту плиту с «шаманом» мы успели скопировать только один раз. Солнце склонялось

метров пути можно было бы проехать на лошадях. Ведь недавно мы проезжали стоянку чабанов, где есть и лошади, и проводники.

Нам повезло, но не всем. Проводники могли выделить только двух коней. Итак, на следующее утро мы с Натальей Кадиковой – директором Бийской художественной школы и лучшим копиистом петроглифов – в сопровождении двух проводников отправились к Зелёному озеру.

Кто ни разу не ездил верхом, тому трудно представить, что испытывает городской житель, привыкший к автобусам, метро, поездам и самолётам, передвигаясь в седле по сильно пересечённой местности.

к закату, и его лучи сделали чётким и рельефным изображение. Самое время для съёмок. И тут, как на зло, цифровой фотоаппарат, который мне дали на время экспедиции, отказал. Я страшно переживал, думая, что невзначай разломал его от неумения. Впоследствии выяснилось, что он перестал работать из-за холода. Положение спасла Наталья со своим цифровиком.

В надежде на завтрашнюю работу мы в полной темноте спустились к лагерю.

Среди ночи нас разбудил налетевший шквал. Палатку так затрясло, что она еле устояла. Это здесь, среди невысокого, но густого кедрача! А что было бы наверху?..

Чуть забрезжил рассвет, мы наскоро перекусили разогретой тушёнкой с горячим чаем, свернули лагерь и двинулись в обратный путь.

Идти прежней тропой через перевал в такую непогодь не представлялось возможным, и проводники повели нас другим маршрутом. Километров через десять мы вышли к реке Красноярке. Здесь стоял домик с пасекой. Вылив из обуви воду и отжав мокрую одежду, мы вошли к радушным хозяевам и прижались к горячей печке. Ароматный чай с оладьями так разморил, что не хотелось даже думать о том, что ждёт нас впереди.

Впереди же ждала нас пытка – надевать на себя мокрые и холодные носки, ботинки, штормовку, садиться в застывшее седло. Дождь всё не утихал.

А тут ещё предстоял брод через бешеную Красноярку. «Коварная эта река, быстрая, камни несёт, – предупредили проводники. – Попадёт камень под ноги лошади, считай всё...». К счастью, всё обошлось, хотя не без опасных ситуаций.

Встреча с командой была, конечно, радостной. Но прийти в себя было непросто.

В тот день экспедиция добралась почти до Усть-Кана и расположилась на ночлег напротив известной пещеры. Была тёплая и ветреная ночь. Я разложил свои бумаги на просушку, а сам никак не мог привыкнуть к тому, что есть на свете места, где не льёт дождь, а под ногами твёрдая земля.

Дома, за рабочим столом, я то и дело мысленно возвращался на Зелёное озеро. Мне пришло в голову, что петроглифы группировались по сюжетам согласно определённом замыслу и что святилище имело особую пространственную организацию. Возможно, в нижней части ручья совершался ритуал, связанный с культом плодородия-плодовитости, в котором главная роль отводилась владычице зверей и сверхъестественным птицелюдам. В средней части наступало владение великих горных духов. А выше по ручью было особо значимое место, где четвёркой божеств вершился миф творения.

Приходит понимание, что в путешествиях к Зелёному озеру была некая предопределённость, все искушения, препятствия и испытания были не случайными. Также как древним авторам рисунков и как нынешним алтайцам, придерживающимся языческих верований, мне кажется, что Создатель наделил Алтай особой красотой, красота же – это всегда проявление божественного порядка. И он, великий дух, живёт в этой красоте.

Я постоянно ловлю себя на мысли, что часто думаю о петроглифах Зелёного озера, и не только потому, что работаю над их научной публикацией. Мне выпало счастье прикоснуться к чему-то поистине великому, значительному, непостижимому.

Фото, прорисовки тушью и микалентные эстампажи выполнены автором.

